Динамика и структурные сдвиги в агропромышленном комплексе России в 2014–2024 гг.: аналитический обзор отраслевой статистики

Викентьева Кристина Геннадьевна
аспирант, кафедра агроэкономики, экономический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, k.vikentjeva@gmail.com

В рамках исследования произведен комплексный анализ трансформации российского агропромышленного комплекса в 2014–2024 гг. На основе официальных данных произведено исследование динамики физического и номинального выпуска, внешнеторговый баланс, уровень самообеспеченности, а также выявлены основные институциональные и отраслевые сдвиги. В частности, установлено, что реальный объем сельскохозяйственного производства увеличился на 28,8% при росте номинальной стоимости в 2,32 раза, а главными институциональными сдвигами стали сокращение доли хозяйств населения, усиление позиций сельскохозяйственных организаций и крестьянских хозяйств, а также масличная специализация растениеводства и индустриализация мясного животноводства. Особое внимание уделено санкционному фактору. В частности, установлено, что российское продовольственное эмбарго 2014 г. стимулировало рост в отраслях с коротким циклом, а финансово-технологические санкции 2022 г. привели к росту издержек и замедлению обновления техники. В то же время определены и положительные аспекты санкционного давления. В результате проведенного исследования сделан вывод об асимметричности продовольственной безопасности России на современном этапе и необходимости осуществления перехода к обеспечению технологического суверенитета в секторе для стабилизации положения.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, продовольственная безопасность, санкции, экспорт продовольствия, сельскохозяйственная техника.

Введение

Агропромышленный комплекс России в 2014–2024 гг. развивался под воздействием разнонаправленных сил: введения продовольственного эмбарго, девальвации рубля, усиления государственной поддержки импортозамещения, а затем – масштабных финансово-технологических санкций. Эти шоки не просто изменили объемы выпуска, но инициировали глубокую структурную перестройку. Цель статьи – систематизировать отраслевую статистику, выявить масштабы и направления трансформации, а также соотнести наблюдаемые сдвиги с динамикой санкционного режима. Задачи включают анализ номинальной и реальной динамики, институциональных и отраслевых сдвигов, эволюции внешней торговли, оценку продовольственной безопасности, состояния технической базы и роли санкций в этих процессах.

Методика

Исследование опирается на три статистических контура: сельское хозяйство (растениеводство и животноводство), пищевая промышленность и внешняя торговля продукцией АПК. Информационная база сформирована на основе официальных данных Росстата, включая ежегодные сборники «Сельское хозяйство в России», бюллетени о наличии техники, таблицы продовольственной самообеспеченности, а также материалов Минсельхоза России и Федерального центра «Агроэкспорт» [1; 2; 3; 4]. Использованы положения Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [5], а также нормативные акты, регулирующие специальные экономические меры [6; 7].

Стоимостные показатели приведены в фактически действовавших ценах; для разделения ценового и физического эффектов они сопоставлены с индексами физического объема, рассчитываемыми в сопоставимых ценах. Рассчитывались базисные темпы прироста, среднегодовые темпы (CAGR), абсолютный структурный сдвиг $K_s = \frac{1}{2}\sum | d_{i,2024} - d_{i,2014} |$ и индекс Херфиндаля – Хиршмана (HHI) для оценки концентрации экспорта. Важное уточнение: оперативная оценка стоимости сельхозпродукции за 2024 г. (около 8,90 трлн руб.) впоследствии пересмотрена до 9,361 трлн руб. [1]. В работе используется окончательное значение.

Общая динамика производства

Номинальная стоимость продукции сельского хозяйства в России выросла с 4,03 трлн руб. в 2014 г. до 9,36 трлн руб. в 2024 г. – в 2,32 раза (среднегодовой прирост 8,8%). Однако расчетный физический объем увеличился на 28,8% (среднегодовой реальный прирост около 2,6%) – табл. 1.

Таблица 1
Основные результаты развития АПК России в 2014–2024 гг.

Показатель	2014 г.	2024 г.	Изменение
Продукция сельского хозяйства в текущих ценах, трлн руб.	4,031	9,361	+132,2%
Физический объем сельхозпроизводства (расчетно)	100	128,8	+28,8%
Среднегодовой номинальный прирост, %	–	–	8,8
Среднегодовой реальный прирост, %	–	–	ок. 2,6
Производство пищевых продуктов, физ. объем	100	~147,9	+47,9%
Доля сельхозорганизаций, %	51,7	60,5	+8,8 п.п.
Доля хозяйств населения, %	38,2	25,4	–12,8 п.п.
Доля КФХ и ИП, %	10,2	14,2	+4,0 п.п.
Численность занятых в сельском хозяйстве, млн чел.	4,867 (2015)	3,765	–22,6%

Источник: составлено автором по [1; 3].

Как видно из представленных в таблице 1 данных, номинальная и реальная динамика кардинально расходятся. Более половины номинального увеличения вызвано ростом цен. В 2024 г. при номинальном приросте 10,2% физический объем сократился на 3,3% (растениеводство – на 6,2%, животноводство +0,5%). Это подтверждает, что судить о масштабах роста лишь по текущим ценам некорректно. Одновременно пищевая промышленность росла быстрее первичного сектора, а институциональная структура сдвинулась в пользу сельхозорганизаций и фермеров. В динамике выделяются четыре этапа: 2014–2016 гг. – шоковое импортозамещение; 2017–2019 гг. – замедление и адаптация; 2020–2022 гг. – ускорение (рекордный урожай 2022 г. – 157,7 млн т зерна); 2023–2024 гг. – климатическая коррекция и стагнация.

Институциональная трансформация

Главный институциональный сдвиг – перераспределение производства между категориями хозяйств. Доля сельхозорганизаций выросла с 51,7 до 60,5%, КФХ и ИП – с 10,2 до 14,2%, а доля хозяйств населения сократилась с 38,2 до 25,4% (табл. 2). Интегральный структурный сдвиг составил 12,8 п.п.

Таблица 2
Производство продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств

Категория хозяйств	2014 г., млрд руб.	2024 г., млрд руб.	Номинальный прирост, %	Доля в 2014 г., %	Доля в 2024 г., %	Сдвиг, п.п.
Сельскохозяйственные организации	2083,0	5659,1	+171,7	51,7	60,5	+8,8
Хозяйства населения	1538,4	2374,2	+54,3	38,2	25,4	–12,8
КФХ и ИП	409,7	1327,8	+224,1	10,2	14,2	+4,0
Всего	4031,1	9361,1	+132,2	100,0	100,0	–

Источник: расчеты автора по данным Росстата [1].

Анализируя таблицу 2, важно подчеркнуть, что переход от смешанной модели к коммерческой не свелся к укрупнению агрохолдингов: сектор КФХ показал наивысший номинальный рост (в 3,24 раза), что говорит о формировании самостоятельного фермерского сегмента. Снижение роли хозяйств населения может быть объяснено в первую очередь такими факторами, как старение населения, сжатие сельских территорий и ужесточение требований к качеству производимой продукции. Таким образом, возможно заключить, что в рассматриваемый период в России наблюдалось усиление крупного корпоративного и среднего товарного уклада.

Структурные сдвиги в растениеводстве

В рассматриваемый периоде наблюдался значительный рост доли растениеводства в валовом выпуске - с 49,3 до 52,9%. Пиковое значение при этом наблюдалось в 2022 г. - 57,8%. При этом ключевым сдвигом в сегменте стал переход к масленичной специализации. Так, посевы масличных расширились на 7,1%, до 18,86 млн га, в то время как площади зерновых сократились на 4%, т.е. до 46,1 млн га. Основные данные о посевных площадях ключевых масличных культур в России представлены в таблице 3.

Таблица 3
Посевные площади масличных культур в 2024 г.

Культура	Площадь, млн га	Изменение за год, %
Соя	4,294	+18,4
Рапс	2,726	+29,3
Масличный лен	1,668	+18,3
Подсолнечник	9,755	–0,6

Источник: составлено автором по [3].

Из таблицы 3 видно, что масличный клин расширялся прежде всего за счёт сои и рапса, тогда как площадь подсолнечника стабилизировалась. Это свидетельствует о диверсификации масличного сектора, которая снижает его уязвимость к колебаниям цен на отдельную культуру и открывает новые экспортные ниши. В сочетании с общим ростом производства масличных в 2,34 раза (табл. 4) такая динамика подтверждает целенаправленную переориентацию растениеводства на маржинальные и востребованные мировым рынком культуры.

Таблица 4
Производство основных сельскохозяйственных культур, млн т

Вид продукции	2014 г.	2024 г.	Изменение, %	CAGR, %
Зерновые и зернобобовые	105,2	125,9	+19,7	1,8
Пшеница	59,7	82,6	+38,4	3,3
Сахарная свекла	33,5	45,1	+34,6	3,0
Масличные культуры	12,9	30,2	+134,1	8,9
Подсолнечник	8,5	16,9	+98,8	7,1
Соя	2,37	7,10	+199,5	11,6
Рапс	1,34	4,70	+251,8	13,4
Картофель	24,3	17,8	–26,7	–3,1
Овощи	12,8	13,9	+8,6	0,8

Источник: расчеты автора по [1].

Таблица 4 демонстрирует, что сформировалось трехъядерное экспортное ядро – зерно, масличные, продукты их переработки. При этом внутренне значимые сектора (картофель, овощи) либо сократились, либо стагнировали. Такая поляризация означает, что растениеводство всё заметнее работает на внешний спрос, а задачи гарантированного снабжения населения базовыми продуктами отходят на второй план, создавая риски для сбалансированного питания.

Структурные сдвиги в животноводстве

Производство скота и птицы на убой в убойном весе увеличилось на 33% – до 12,0 млн т (табл. 5). Почти 80% обеспечили птицеводство (42,5%) и свиноводство (37,2%). Молочное производство выросло лишь на 12,7%, а поголовье КРС сократилось примерно на 15% (до 16,38 млн голов).

Таблица 5
Производство основных видов продукции животноводства

Показатель	2014 г.	2024 г.	Изменение, %	CAGR, %
Скот и птица на убой (убойный вес), млн т	9,03	12,00	+33,0	2,9
Молоко, млн т	30,0	33,8	+12,7	1,2
Яйца, млрд шт.	41,7	46,7	+12,0	1,1

Источник: составлено автором по [1].

Данные таблицы 5 показывают, что животноводство приобрело двухскоростную структуру: индустриальное мясное производство росло темпами, кратными темпам молочного сектора. Концентрация усилилась: доля сельхозорганизаций в мясе достигла 84,2%, в молоке – 60,8%. Это означает, что достижение пороговых значений по мясу не сопровождается аналогичным успехом по молоку, а отраслевая политика остаётся асимметричной, стимулируя в первую очередь «быстрые» подотрасли.

Опережающее развитие пищевой промышленности

Производство пищевых продуктов за 2014–2024 гг. выросло в физическом объеме на 47,9% (среднегодовой темп 4,0%), существенно опережая первичное сельское хозяйство (28,8%). В 2024 г. индекс пищевой промышленности составил 103,5%, контрастируя со спадом в растениеводстве. Это указывает на углубление переработки, повышение товарности и использование запасов, однако экспортный потенциал глубокой переработки реализован не полностью, что подтверждается последующей статистикой внешней торговли.

Внешняя торговля и продовольственная безопасность

Внешнеторговый баланс качественно изменился: от дефицита 21,0 млрд долл. в 2014 г. к профициту 5,4 млрд долл. в 2024 г. (экспорт – 43,1 млрд долл., импорт – 37,7 млрд долл., физический объем экспорта – 109 млн т). Однако структура экспорта сохраняет низкую степень диверсификации: на зерно и масложировую продукцию (товары первичной переработки) приходится свыше 57% стоимости, тогда как доля продукции высокой степени переработки снизилась с 15 до 12% (табл. 6). Индекс Херфиндаля – Хиршмана вырос с 2113 до 2301 пунктов, подтверждая усиление концентрации на товарах низких переделов.

Таблица 6
Товарная структура российского аграрного экспорта, %

Товарная группа	2020 г.	2024 г.	Изменение, п.п.
Зерновые	33	37	+4
Масложировая продукция	16	20	+4
Прочая продукция АПК	14	14	0
Пищевая продукция высокой переработки	15	12	–3
Рыба и морепродукты	17	11	–6
Мясная и молочная продукция	4	5	+1

Источник: составлено автором по [4].

Анализ таблицы 6 позволяет утверждать, что экспортная экспансия сопровождается не диверсификацией, а усилением сырьевой и полуобработанной специализации. Рост доли зерновых и масел при сокращении продукции высокой переработки и рыбы означает, что страна наращивает физические объёмы поставок, но получает за них относительно меньшую добавленную стоимость. В результате аграрный экспорт стал более уязвимым к изменениям мировых цен и к внешнеторговым ограничениям, в т.ч. санкционному давлению, что подтвердилось, в частности, после того как ЕС в 2024 г. поднял пошлины на зерно и масличные [8].

Самообеспеченность по-прежнему носит поляризованный характер (табл. 7). Так, как видно из представленных данных, по зерну (152,4%), растительному маслу (260,2%), сахару (107,1%), мясу (101,9%) и рыбе (125,4%) пороговые индикаторы Доктрины перекрыты с большим запасом, тогда как по молоку (84,7%), плодам и ягодам (43,1%), картофелю (92,0%) и овощам (88,6%) нормативные уровни остаются недостигнутыми.

Таблица 7
Самообеспеченность основными продуктами в 2024 г., %

Продукция	Фактический уровень	Порог Доктрины	Отклонение, п.п.
Зерно	152,4	95	+57,4
Растительное масло	260,2	90	+170,2
Сахар	107,1	90	+17,1
Мясо	101,9	85	+16,9
Рыба	125,4	85	+40,4
Молоко	84,7	90	–5,3
Картофель	92,0	95	–3,0
Овощи и бахчевые	88,6	90	–1,4
Плоды и ягоды	43,1	60	–16,9
Соль поваренная	62,1	85	–22,9

Источник: составлено автором по [1; 3; 5].

Таким образом, возможно заключить, что продовольственная безопасность России имеет во многом асимметричный характер. С одной стороны, имеются значительные излишки по зерну, маслу, сахару и мясу, с другой стороны, наблюдается сохранение устойчивой зависимости от импорта по молоку, плодам, овощам и соли. Более того, существует значительная асимметрия в экономической доступности продовольствия для населения. Так, в результате инфляционного всплеска 2014–2015 гг., спровоцированного в том числе эмбарго, продовольственная инфляция составила 15,4% в 2014 г. и 14,0% в 2015 г. [1]. При этом в 2014–2017 гг. наблюдалось снижение реальных располагаемых доходов населения. В таких условиях произошло ощутимое сужение потребительского выбора и сформировалась скрытая компонента продовольственной небезопасности, не отражаемую коэффициентами самообеспеченности. Следовательно, формальное достижение пороговых уровней валового производства ещё не означает полноценной доступности продовольствия для всех слоёв населения.

Материально-техническая база

В период с 2021 по 2024 г. приобретение новых тракторов сократилось на 20%, зерноуборочных комбайнов — на 38,5%, а коэффициенты обновления опустились до 3,55% и 4,08% соответственно. Одновременно удельный вес отечественных машин в закупках увеличился. Так, по тракторам наблюдался рост с 29,9% до 37,0%, а по комбайнам — до 52,4% (табл. 8).

Таблица 8
Показатели обновления парка сельскохозяйственной техники

Показатель	2021 г.	2024 г.	Изменение
Приобретено новых тракторов, ед.	9534	7631	–20,0%
Приобретено новых комбайнов, ед.	4462	2744	–38,5%
Коэффициент обновления тракторов, %	4,39	3,55	–0,84 п.п.
Коэффициент обновления комбайнов, %	6,75	4,08	–2,67 п.п.
Доля отечественных тракторов в закупках, %	29,9	37,0	+7,1 п.п.
Доля отечественных комбайнов в закупках, %	36,6	52,4	+15,8 п.п.

Источник: составлено по данным бюллетеней Росстата [2].

Анализируя данные таблицы 8 возможно выявить критическое внутренне противоречие. Дело в том, что в рассматриваемый период импортозамещение в технике приобрело структурную форму — замещение поставщиков не сопровождалось расширением инвестиций. Абсолютное сокращение закупок и падение коэффициентов обновления при росте доли отечественных машин означают, что парк стареет, а воспроизводство основного капитала замедляется. Это создаёт угрозу накопления технологического износа и снижения производительности в среднесрочной перспективе.

Санкционные факторы структурной трансформации агропромышленного комплекса России

Для корректной оценки санкционного воздействия необходимо разграничивать четыре вида ограничений: внешние секторальные санкции (против банков, компаний, технологий), российское продовольственное эмбарго, торгово-тарифные барьеры и эффект избыточного соблюдения. Принципиально, что западные санкции в основном не были направлены на продовольствие – в санкционных режимах предусматривались изъятия для сельскохозяйственных товаров и удобрений [9]. Поэтому санкционный режим воздействовал через систему разнонаправленных каналов: защита внутреннего рынка, девальвация, удорожание кредита и импортных ресурсов, логистические и расчетные сложности, господдержка.

Хронологически выделяется два режима. Первый (2014–2021 гг.) – доминирование российского продовольственного эмбарго [6; 7], которое сократило импорт запрещенных товаров примерно на 80% из стран ЕС [10]. Наибольший положительный эффект получили свиноводство и птицеводство. Эмбарго создало ренту защищенного рынка, но одновременно привело к дополнительному росту потребительских цен: по оценкам, в краткосрочном периоде продовольственная инфляция достигала 15,4% в 2014 г. и 14,0% в 2015 г. [1]. Параллельная девальвация рубля повысила конкурентоспособность зернового экспорта, но удорожила импортные семена, генетику, оборудование.

Второй режим (2022–2024 гг.) сместил акцент на финансово-технологические ограничения. Санкции против банков, отключение от SWIFT, транспортные запреты и отказ зарубежных поставщиков резко повысили издержки. По данным мониторинга предприятий Банка России, в 2022 г. сельхозпроизводители фиксировали существенный рост издержек, наиболее заметный по импортным семенам и ветеринарным препаратам [11]. Однако физический выпуск не обвалился благодаря инерционности отрасли, запасам ресурсов и продовольственным исключениям. Негативное воздействие проявилось в замедлении обновления техники и росте себестоимости.

Сопоставление санкционных этапов с отраслевой динамикой позволяет увидеть следующую асимметрию: в зерновом и масличном комплексах положительный эффект девальвации перевешивал, в свиноводстве и птицеводстве эмбарго сыграло роль ускорителя, тогда как в молочном, плодоовощном секторах и сельхозмашиностроении технологические и инвестиционные ограничения оказались более значимыми.

Санкционный режим произвел сегментированный эффект. Отрасли, способные быстро нарастить выпуск за счёт защищённого рынка (свиноводство, птицеводство), стали бенефициарами. Сектора с длинным инвестиционным циклом (молочное скотоводство, плодоводство) и сельхозмашиностроение получили преимущественно отрицательное воздействие, выразившееся в удорожании ресурсов и сокращении инвестиций. Такая дифференциация углубляет структурные дисбалансы АПК.

В 2024 г. ЕС ввел повышенные тарифы на российские зерновые, масличные и продукты их переработки [8], однако основной спрос уже был переориентирован на Ближний Восток, Африку и Азию, что ограничило прямой эффект.

Таким образом, санкционный фактор выступил катализатором трансформации, но не ее единственной причиной. Контрэмбарго ускорило концентрацию производства в крупных организациях и развитие индустриального животноводства; технологические санкции 2022 г. закрепили переориентацию на отечественное оборудование, замедлив обновление фондов.

Систематизация структурных сдвигов

Основные направления трансформации АПК, их статистическое проявление и экономическое содержание обобщены в табл. 9.

Таблица 9
Основные направления трансформации АПК в 2014–2024 гг.

Направление	Статистическое проявление	Экономическое содержание
Коммерциализация	Доля организаций и КФХ выросла с 61,8 до 74,6%	Снижение роли натурального хозяйства
Концентрация	Доля сельхозорганизаций – 60,5%	Укрупнение и индустриализация
Развитие фермерства	Доля КФХ – 14,2%, номинальный выпуск – более чем втрое	Формирование товарного среднего агробизнеса
Масличная специализация	Площадь масличных в 2024 г. выросла на 7,1%	Ориентация на маржинальный спрос
Индустриализация животноводства	Птица и свинина – 80% производства на убой	Доминирование коротких стандартизированных циклов
Углубление переработки	Пищевая промышленность росла быстрее сельского хозяйства	Увеличение добавленной стоимости внутри страны
Экспортная ориентация	Экспорт ~43 млрд долл. и 109 млн т	Встраивание АПК в глобальные рынки
Концентрация экспорта на товарах низких переделов	Зерно и масла – >57% стоимости экспорта	Ограниченное развитие экспорта глубокой переработки
Высвобождение труда	Занятость сократилась на 22,6%	Рост производительности и концентрация
Техническое импортозамещение	Доля российской техники в закупках выросла	Изменение структуры поставщиков
Замедление обновления фондов	Закупки новых машин сократились	Риск накопления технологического износа

Источник: составлено автором.

В таблице 9 систематизируются все выявленные сдвиги, демонстрируя, что трансформация АПК носила многомерный характер. Она сочетала прогрессивные изменения (коммерциализация, рост фермерства, углубление переработки) с тревожными тенденциями (сырьевая концентрация экспорта, замедление обновления фондов). Обобщённые данные дают основание заключить, что приоритетом аграрной политики должно стать не валовое наращивание производства, а ликвидация технологических и продуктовых дисбалансов.

Обсуждение

Выполненный анализ свидетельствует о том, что десятилетнюю трансформацию российского АПК невозможно объяснить простой линейной схемой «санкции – рост производства». Результаты соотносятся с выводами других, более ранних исследований. Так, в исследовании З. Кутлиной-Димитровой [10] продемонстрировано, что российское продовольственное эмбарго

привело к падению импорта запрещённой продукции из ЕС приблизительно на 80%, но производственный отклик проявился лишь в некоторых отраслях. В то же время в проведенном исследовании зафиксирован институциональный сдвиг — перераспределение удельных весов от хозяйств населения к сельхозорганизациям — и показано, что производственная концентрация шла параллельно с развитием фермерского уклада, тогда как оценки, опирающиеся только на агрегированные индикаторы самообеспеченности, такой параллельный процесс не улавливают. Такого рода специфика исследования позволяет уточнить понимание структурных последствий эмбарго: защищённый внутренний рынок дал импульс и крупным, и средним производителям, но не предотвратил ослабления сектора личных подсобных хозяйств.

Характерно, что самый заметный рост происходил в секторах с коротким производственным циклом — птицеводстве и свиноводстве, а также в зерномасличном комплексе, в то время как молочное животноводство и плодоовощная отрасль показали лишь ограниченное импортозамещение. Объяснение видится в длине инвестиционного цикла. Там, где выпуск наращивается за один-два года, защищенный рынок дает отдачу быстро, а там, где требуются многолетние вложения в стадо, сады и инфраструктуру хранения, тот же стимул срабатывает с запозданием. Если перенести это различие в технологическую плоскость (семена, генетический материал, оборудование), становится объяснимым противоречие между сохранением физических объемов выпуска и замедлением обновления основных фондов в России после 2022 г.: инерция отрасли позволяет удерживать текущее производство, тогда как последствия недоинвестирования проявляются за пределами наблюдаемого периода.

При этом сформулированный в рамках данного исследования аргумент о перемещении санкционного давления из сферы спроса в сферу затрат подкрепляется данными мониторинга предприятий Банка России, фиксировавшего в 2022 г. рост издержек у преобладающей части аграрных предприятий [11].

Необходимо отметить, что такого рода наблюдения демонстрируют, что общие индикаторы продовольственной безопасности по сути могут способствовать скрытию нарастания технологической уязвимости и, соответственно, продовольственной безопасности в долгосрочной перспективе. Это по сути актуализирует вопросы о разделении продовольственного и технологического суверенитета и безопасности и границах экстенсивного импортозамещения.

Также важно, что выявленные в рамках исследования фактические высокая концентрация экспорта на продуктах невысокой степени переработки и сокращение доли глубоко переработанных товаров в нем по сути не совпадают с официальным целевым курсом РФ, согласно которому фокус в рамках экспорта должен ставится на продукции с высокой добавленной стоимостью.

Выводы

За рассматриваемый период отечественный АПК стал крупнотоварным, концентрированным и экспортоориентированным. Так, за 2014-2024 гг. физический объём производства возрос на 28,8%, а профицит торгового баланса составил 5,4 млрд долл. В то же время качество роста российского агропромышленного комплекса неравномерно. Так, в десятилетний период наиболее активно развивались лишь зерново-масличный комплекс и промышленное мясное производство. Молочная, плодоовощная и картофельная отрасли же наоборот — не продемонстрировали должного роста. Более того, расширение экспорта связано в первую очередь с товарами низких переделов. В целом наблюдается углубление специализации на товарах низких переделов. Также важно, что продовольственная безопасность по сути является ассиметричной и не гарантирующей экономическую доступность продовольствия для части населения. Контрэмбарго 2014 г. создало защитный импульс для отраслей АПК, а последующие финансово-технологические ограничения, введенные странами Коллективного Запада в отношении России, привели к значительному росту издержек и долгосрочных технологических рисков. При этом в оба санкционных подпериода наблюдалось несоответствие и неравномерность параметров номинально-стоимостного роста, физического расширения и структурного перераспределения, что по сути может быть интерпретировано как объективные результаты аграрной политики РФ.

Такого рода вывода по сути указывают на необходимость концентрации государства в дальнейшем на преодолении продуктовых и технологических дисбалансов, а также ускоренном обновлении основных фондов и углублении степени переработки. Особую актуальность при этом имеют такие направления, как селекция и семеноводство, молочное и племенное скотоводство. В то же время критическое значение имеет развитие инфраструктуры хранения и поддержка инвестиций в отечественное сельскохозяйственное машиностроение, в т.ч. за счет увеличения абсолютных объёмов закупок техники.

Литература

1. Росстат. Сельское хозяйство в России. 2025: стат. сб. – М., 2025.
2. Росстат. Наличие тракторов, сельскохозяйственных машин и энергетических мощностей в сельскохозяйственных организациях: бюллетени, 2021–2024. – М., 2025.
3. Минсельхоз России. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2024 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. – М., 2025.
4. Агроэкспорт, федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России. Обзор внешней торговли продукцией АПК России в 2024 году. – М., 2025.
5. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (ред. от 10.03.2025) «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 «О мерах по реализации указов Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 и др.» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Council Regulation (EU) 2024/1652 of 30 May 2024 amending Annex I to Regulation (EEC) No 2658/87 on the tariff and statistical nomenclature and on the Common Customs Tariff. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1652/oj (дата обращения: 12.09.2026).
9. U.S. Department of the Treasury, Office of Foreign Assets Control. Fact Sheet: Russia Sanctions and Agricultural Trade (July 2022). – URL: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/ukraine-russia-related-sanctions (дата обращения: 12.09.2026).
10. Kutlina-Dimitrova Z. The economic impact of the Russian import ban: a CGE analysis // Chief Economist Note, European Commission, DG Trade. – 2017. – № 3.
11. Банк России. Мониторинг предприятий. – М., 2022. – URL: https://cbr.ru/dkp/mp/ (дата обращения: 12.09.2026).

Dynamics and Structural Shifts in the Russian Agro-Industrial Complex in 2014–2024: An Analytical Review of Sectoral Statistics

Vikentyeva K.G.
Lomonosov Moscow State University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The study provides a comprehensive analysis of the transformation of the Russian agro-industrial complex from 2014 to 2024. Using official data, the study examined the dynamics of physical and nominal output, the foreign trade balance, and the level of self-sufficiency, and identified key institutional and industry shifts. Specifically, it was found that real agricultural production increased by 28.8%, while nominal value increased by 2.32 times. The key institutional shifts included a reduction in the share of household farms, the strengthening of agricultural organizations and peasant farms, as well as the specialization of oilseed crop production and the industrialization of beef livestock. Particular attention is paid to the sanctions factor. Specifically, it was found that the 2014 Russian food embargo stimulated growth in short-cycle industries, while the financial and technological sanctions of 2022 led to increased costs and a slowdown in equipment upgrades. At the same time, positive aspects of the sanctions' impact were also identified. The study concluded that food security in Russia is asymmetrical at the present stage and that a transition to ensuring technological sovereignty in the sector is necessary to stabilize the situation.

Keywords: agro-industrial complex, food security, sanctions, food exports, agricultural machinery.

References

1. Rosstat. Agriculture in Russia. 2025: Statistical Compendium. – Moscow, 2025.
2. Rosstat. Availability of Tractors, Agricultural Machinery, and Power Capacities in Agricultural Organizations: Bulletins, 2021–2024. – Moscow, 2025.
3. Ministry of Agriculture of the Russian Federation. National Report on the Progress and Results of the Implementation of the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Markets for Agricultural Products, Raw Materials, and Food in 2024. – Moscow, 2025.
4. Agroexport (Federal Center for the Development of Exports of Agricultural Products, Ministry of Agriculture of the Russian Federation). Overview of Russia's Foreign Trade in Agricultural Products in 2024. – Moscow, 2025.
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 20 dated January 21, 2020 (as amended on March 10, 2025) "On Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation" // "ConsultantPlus" Legal Reference System.
6. Decree of the President of the Russian Federation No. 560 dated August 6, 2014 "On the Application of Certain Special Economic Measures to Ensure the Security of the Russian Federation" // "ConsultantPlus" Legal Reference System.
7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 778 dated August 7, 2014 "On Measures to Implement Decrees of the President of the Russian Federation No. 560 of August 6, 2014, et al." // "ConsultantPlus" Legal Reference System. 8. Council Regulation (EU) 2024/1652 of 30 May 2024 amending Annex I to Regulation (EEC) No 2658/87 on the tariff and statistical nomenclature and on the Common Customs Tariff. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1652/oj (accessed: 12.09.2026).
9. U.S. Department of the Treasury, Office of Foreign Assets Control. Fact Sheet: Russia Sanctions and Agricultural Trade (July 2022). – URL: https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/ukraine-russia-related-sanctions (accessed: 12.09.2026).
10. Kutlina-Dimitrova Z. The economic impact of the Russian import ban: a CGE analysis // Chief Economist Note, European Commission, DG Trade. – 2017. – No. 3.
11. Bank of Russia. Enterprise Monitoring. – Moscow, 2022. – URL: https://cbr.ru/dkp/mp/ (accessed: 12.09.2026).